

Живой огонек

По соседству со мной мастер по огранке дорогих камней Митьша Заровняев живет. Одногодок мой. В малолетстве мы с ним неразлучными дружками были, вместе, как говорится, собак гоняли, вместе и в заводскую школу бегали, а потом наши дорожки разбежались. Он попал в выучку по гранильному делу и хорошим мастером стал, а я, как все мои деды-прадеды, весь век по заводскому гудку жил, в механической работал. Тоже по своему делу от добрых мастеров не отстал.

В эти рабочие годы мы, понятно, с Митьшей встречались, только досужего времени у нас немного было, да и не на одни часы оно приходилось. Бывало и так, что я с работы, а он на работу. Ну, и в разговоре разноречивый пошел: он про огранку, я про сборку. Так у нас ребячья дружба и завяла. А вот теперь, как оба на пенсию вышли, опять неразлучниками стали. Только та разница, что теперь друг дружку не Ваньшей да Митьшей зовем, а по отчеству величаем: он меня Осипычем, я его Алексеичем. Дня не проходит, чтобы мы с ним не сошлись. То он ко мне приплетется, то я к нему, а в погожие дни любим на завалянке посидеть, солнышко проводить. Дома-то наши, видишь, на закатную сторону окошками приходятся, а эта сторона недаром стариковской зовется. К нам через дорогу приковыляет еще орел. Тоже пенсионер. Токарь Евграф Васильич Менухов. Он постарше нас годов на пять. Мы еще вовсе малышами были, а он уж в школе учился. По-старому-то грамотеем считался, потому двухклассное кончил. Мы с Алексеичем в заводскую школу только три зимы бегали, а он учился целых пять зим. Тогда это уж высоко считалось. Из-за этой грамоты судьба у Евграфа пестрая вышла. Сперва после школы тоже в механической работал, в свои годы женился, семью завел, а дальше дорога кривулинами пошла. Не любило начальство тех, кто пограмотнее. «Умные, дескать, стали, судят о чем не положено». Ну, Евграфа и выжили из механической, да и с завода. Пришлось ему по другим заводам кормиться. Уж после гражданской войны домой воротился. Десятка полтора годов еще в полную силу работал, а тут старость на плечи сильно давить стала, да еще погорячился на работе, с ним и приключился удар. Отлежался, потом вылечили, а левую ногу и теперь волоком переставляет, и в разговоре ясности не стало. А ведь раньше-то говорок был. Теперь при внуке живет. Инженер он, на заводе цехом заведует. Дельный, сказывают, парень вышел и о старике заботливый. Старый домишко они перебрали, сбоку и вглубь прируб сделали. Евграфу Васильичу особую комнату отвели со всяким удовольствием: и тепло, и светло, и спать мягко, на окошках цветы, радио проведено и за книжкой

посидеть есть где. Одним словом, устроенный старик. Можно сказать, с кабинетом.

Переберется этот Евграф Васильич на нашу сторону и первым делом пошутит:

— Не горюйте, малолетки, что солнышко уходит! Приходите утром пораньше ко мне на завалинку — встречать будем. Веселее, поди, встречать-то!

— А сам зачем на нашу сторону приволокся?

— Да тоже потянуло поглядеть на то, что прошло. И та думка была — не заскучали бы мои малолетки перед сном. Вот развеселить и явился.

— Садись-ка, — говорю, — в серединку, тогда за старшего признавать будем, в случае спора оба под рукой будем.

Алексеич свое начинает:

— Отдыхаться не можешь, увеселитель! Через улицу перешел, как на высокую гору поднялся! Шуткам-то, видно, конец приходит.

— Кому, — отвечает, — как. Иной смолоду кислится: дескать, я умру, а все останется. Другой до гробовой доски не тужит, потому как не о себе, а о своем деле больше думает: шло бы оно, а удастся ли самому поглядеть — об этом печали мало. И по работе отдача есть. Ты вот за станочком в одиночку в молчанку больше играл, а я весь век на людях крутился. На народе, известно, без шуток да прибауток, без шуму да гаму, без рассорки да мировой не проживешь...

Это у них привычка такая. Сперва поперекоряются, потом уж вглядь разговаривать станут. Проходящие, глядя на нашу тройку, подшучивают:

— Вишь, какие белые груздочки на нашей улице выросли!

Другие опять советуют:

— Что сидите-то? Поразмялись бы! В лошадки бы хоть поиграли! Улица широкая, полянка кудрявая — раздолье! Неужто не бегивали?

— Бегать-то, — отвечаем, — бегали, да теперь кучера из нашей ровни не подберешь, и очередь не наша. Нам другое отведено — на завалинке сидеть да поглядывать, бойко ли молодые бегают.

Шутят так-то, а все-таки у кого досуг случится, подходят послушать нашу стариковскую беседу, спрашивать примутся, свое слово вставят, старое к новому прикладывать станут, спор затеют.

Разговаривали, понятно, про разное, житейское, а без того не проходило, чтоб который-нибудь из нас, стариков, не помянул о деле, каким весь свой век занимался.

Один такой разговор мне больше запомнился. Алексеич его начал. В какой-то летний праздник было. Наша улица хоть не из самых людных, а молодого народа вечером по ней много бродит. Одних студентов сколько из города приезжает. Раньше-то наперечет знали, кто из заводских в городе учится, а теперь разве сочтешь, коли чуть не из каждой семьи уезжают в институты да техникумы. Очередные отпуска тоже к летним месяцам подгоняются. Ну, отпускники, которые не уехали по дальним местам, а проводят время на рыбалке, охоте либо просто в лесу и на покосах, тоже не прочь похвалиться, что ближний загар не хуже дальнего. К Евграфу Васильичу подошла за ключом невестка, внукова-то жена. Она у него врач и вместе со своими двумя ребятишками живет летом в лагере, который на бывшей владельческой заимке. С Менуховой еще три женщины. Из лагеря же, видно, потому на одной машине приехали. Лагерь-то ведь оздоровительный. Ребят там много из всех заводских школ. Ну, и врачей да воспитательниц не мало требуется.

Не помню уж, по какому случаю Алексеич стал рассказывать про свои камешки:

— По нынешним, дескать, временам научились чуть не все дорогие камни из подходящих составов плавить. Александрит только не одолели, да изумруд упирается. Делают его, да пока плоховато, а остальные камешки хорошо идут. Кто в этом деле не крепко разбирается, тому, пожалуй, и не отличить плавленый от настоящего. Горщики, разумеется, не ошибутся, а гранильщики и подавно.

Одна из женщин и спрашивает:

— А в чем, скажите, разница? Как отличить плавленый камень от настоящего?

Алексеич позамялся, потом говорит:

— На глаз хорошо вижу, а растолковать не могу. При нашей работе это явственно видно. С плавленным камнем тебе думать не о чем, потому камешки один в один. Твое дело — соблюдать размер — и все. А самородный камешек, который из горы добыт, он смекалки требует. Подумать надо, с которой стороны и как его показать. Зато и утеха есть, коли угадаешь огранить, как тому камешку подходит. Глядишь на такой — и сердце радуется!

Тут парень один врезался. Не знаю его фамилии. Знаю только, что с турбинного. Задористый такой. В передовиках его на заводе считают. Портрет его как-то в нашей газете видел. Так вот он и говорит:

— Если самородный только тем отличается, что с ним возни больше, так это пустое дело.

— Нет, не пустое! — говорит Алексеич и показывает на Менухову. — Вот у Варвары Петровны брошечка с самородными камнями. Ты, небось, эту брошечку приметил. А у них вон, — указал он на другую женщину, — кулончик будто и богаче, а видимости той не имеет, потому — из плавленных.

— Верно, дед, — не скрывая своего удивления, подтвердил парень, — на брошку поглядел, а кулона вовсе не заметил.

— Вот то-то и есть. А цвет, состав и крепость у камней одна. На любых приборах проверяй, какие хочешь пробы бери, разницы не найдешь, а живого огонька, какой в самородном камне есть, все-таки не увидишь.

— Значит, чего-то не нашли, — говорит парень и с уверенностью добавляет: — Изучат полностью и доведут. Не беспокойся, дед.

— В том спору нет, что доведут, — говорит Алексеич. — Сам вижу, что дело вперед идет. Камни самой высокой марки выходят. О другом говорю: когда плавленный камешек, как самородный, свою особину иметь будет?

— По моим приметам, скоро, — неожиданно вмешался Евграф Васильич.

Алексеич, как он любил с Евграфом на словах сцепиться, сейчас ухватился за это:

— Что зря болтать-то! Какие у тебя могут быть приметы, когда ты близко к нашему делу не подходил? Что ты в нем знаешь?!

Разговор у Алексеича резкий, крикливый. Кто близко к завалинке был, слышит — старики заспорили. Подходить стали. Любопытно им. И те женщины, которые за ключом пришли, тут же стоят. Алексеича это, видно, еще больше раззадорило, он уж вовсе кричать стал:

— Ну-ка, скажи свои приметы! Что навывдумывал?!

— И скажу, только с уговором, чтоб не перебивать. Потом твой разговор будет.

— Как на собраниях?

— Так-то, по-моему, лучше, чем перекояться да кричать.

— Ну-ну, балакай, коли ты такой умный! Пусть послушают, что выходит, когда берутся судить о том, чего не знают.

— Ты не подковыривай до времени, а слушай. После уж душу отведешь.

— Ладно, ладно. Говорю, балакай. До конца слова не выроню.

Тут Евграф Васильич и стал рассказывать:

— К гранильному делу мне касаться не приходилось. Это он правду говорит. Зато я знаю мастеров своих годов. А мастер, как известно, всему делу голова. Недаром сказано: «Дело мастера боится». Вот об этих мастерах я хочу сказать. Сегодня вы наглядно видели, какие они, эти старые мастера. Когда товарищ с турбинного попросил объяснить разницу между самородным и плавленным камнем, так что ему мастер сказал? Самородный, дескать, сердце радуется, живой огонек в нем, особина. Разве можно это понять без показа? Как живой огонек образуется, в чем особина — все это ему не сказать. А показал на деле, и человеку ясно стало, что разница есть, что мастер хорошо это понимает, только на словах объяснить не может.

Это я не в укор Алексеичу. Другие мастера наших годов такие же были. Сошлюсь на себя. Я считаюсь пограмотнее Алексеича, побольше учился да побродить по многим местам привелось, а спросите меня по моему делу, тоже показать покажу, а объяснить, почему и как, не сумею. А сам я учился токарному делу вовсе у неграмотного мастера. Теперь об этом скажешь, так не все верят. А было. Покойный Петр Михайлыч Шевелев тонко свое дело знал, а ни читать ни писать не умел. Скажут ему размеры, он их запомнит, больше не спросит и сделает вещь без ошибки. Ну, а на словах станет объяснять, ничего не поймешь. Он вдобавок заикался, так и вовсе неразбериха выходила. И все-таки показом он не одного меня выучил.

И в доменном, и в медеплавильном деле, да и в остальных заводских производствах то же самое было. У мастеров был наметанный глаз и большой навык, а грамота слабая. Учиться у них — как у немых. И то мешало, что старые мастера боялись за свое положение. Они и не торопились передавать молодым свои навыки. А если имелся производственный секрет, так мастер старался передать его только кому-нибудь из своих близких либо вовсе никому не показывал до последних дней своей жизни.

Конечно, кроме таких мастеров-практиков, были и люди с инженерским образованием, но они мало что значили. В лучшем случае на целый заводский округ таких было два-три человека, да и те на должностях управляющих либо

управителей. Что они могли сделать, когда по цехам-то пробежали не каждый день.

В горном деле раньше, а у нас, металлургов, много позднее появились техники, с образованием. Учились они примерно столько же, как нынешние ремесленники. Сперва двухклассную школу кончали, потом в техническом училище три года. Только по-старому это уж высоким образованием считалось, и этим, окончившим курс, давалось звание — ученый мастер; а кто похуже учился, тех называли ученый подмастерье. Попадали в это училище, конечно, только дети тех служащих, которые были угодны заводскому начальству.

Насмотрелся я на этих ученых мастеров да подмастерьев! Смех и горе. Придет этакий парнишечка годов шестнадцати-семнадцати вроде начальства в цех, а там старый мастер не первый десяток всем правит. Дело свое знает до тонкости, только дальше не видит и не о всем рассказать другому может. А это новенький-то кой-чему из книжек поучился, а по делу ровным счетом ничего не знает. В училище, понятно, были мастерские, да много ли от них за три года между учебой получишь? По месяцам разнести, так на каждое дело двух-трех дней не наберется. И станки разные. В мастерской поновее, а тут такая старина, что новый-то не знает, с какой стороны к ней приступить.

Вот и попробуй от таких двух мастеров чего-нибудь путного добиться! Если и выйдет тут сплавленный камень, так не лучше плитняка, который на щебенку идет. Стукни его по ребру, он и развалится по слоям. Так и было. Кроме свары да подвохов ничего не выходило.

— У нас этак же было, как стали художников посылать. Рисовать умеют хорошо, а толку в камнях не знают, — поспешил откликнуться Алексеич.

— Не перебивай, а то спутаешь меня на главном. Уговорились, поди-ко! — отмахнулся Евграф Васильич. — При советской власти по-иному пошло. Сами рабочие в голове производства встали, но и от науки не отвернулись. Тех, кто знал дело по-книжному, ближе к производству подвинули, а сами за книжки взялись, через рабфаки и другие школы к большому образованию потянулись. Тут уж было из чего сплавить камень, который любую пробу выдержать мог. Теперь это еще дальше пошло. Да вот лучше я вам случай расскажу.

Годов близко двадцати с той поры прошло. Работал тогда в городе. Поручили мне набор людей для большого строительства. Приходят раз пятеро слесарей, все из Харькова. Из разговора выяснилось, что ехали они Сибирь посмотреть да по случаю Первого мая в нашем городе остановились. Отпраздновали так, что денег на дорогу, дальше ехать не осталось. Ну, и пришли ко мне.

Посмотрел их документы. Вижу, народ подходящий, и зачислил их всех пятерых. Потом справлялся, конечно, как работают. О всех хороший отзыв получил, а одного на отличку похвалили, по всем статьям. Потом этого парня с книжками встретил. «Учусь, говорит, без отрыва от производства!» Годов через пяток он уж в институте учился. «Решил, говорит, по-настоящему поучиться, потом опять на то же место». Ну, а не так давно прочитал в газете, что такой-то удостоен Государственной премии первой степени за сконструированную и смонтированную под его руководством машину. Машина, говорят, такая, что в день дает больше, чем наш старый завод за месяцы, а управлять этой машиной можно в белых перчатках: ни пыли, ни копоти в цехе. Мне не случалось видеть эту машину, а все-таки знаю, что конструктор здесь не забыл, что мешало в машинах слесарю, что ему помогало. Одно постарался устранить, другое — еще улучшить, и получилась та особина, какой до этого не было.

А разве мало у нас таких людей? Чтоб не ходить далеко, сошлюсь вот на них, которые тут стоят да сидят. Не угадаешь, кто из них у печи стоит, у станка, кто — за чертежной доской либо в лаборатории. А раньше-то я бы инженера от слесаря и в бане отличил. Раздельно было. Одни вверху, другие внизу. При случае переговаривались, конечно, а теперь вот сливаться стали. Из этого и растет новый, советский мастер. У него либо долголетние рабочие навыки хорошо освещены наукой, либо книжные знания прочно закреплены рабочей практикой. Этот новый мастер и дает в любом деле живой огонек, какой чаще и чаще видишь на изделиях с нашей советской маркой.

Сказав это, Евграф Васильич подтолкнул локтем Алексеича:

— Твой разговор!

Тот сначала отшутился:

— О чем говорить? Ты же у нас старшой, в серединке сидишь! Разве можно такому прекословить? — Помолчав немного, проговорил: — Кабы тебя, Евграф Васильич, в свое время другой гранью повернуть! Хороший бы фонарь на темной дороге был! Все как есть ты правильно сказал.

— А я чуть было про тебя худое не подумал, — сказал парень с турбинного, обращаясь к Алексеичу.

— Торопиться с этим никогда не надо, — наставительно проговорил Евграф Васильич. — Мало ли что с первого взгляду покажется. У старика одно пятно — малая грамота. В этом молодых укорять надо, а стариков нельзя. Время

другое было. А что перекоряемся мы с ним, так это одна видимость. Вроде стариковской игры.

Женщина с кулоном из плавленных камней пожала всем нам руки. За ней потянулись другие, кто с шуткой, кто с вопросом, и беседа пошла мелкими ручейками.